имел своего волынщика, что было наследственной обязанностью и необходимой издержкой большой семьи. Теперь же обычай этот совершенно упразднен, и только по моей просьбе разыскали этого человека.

Воскресьенье, 31 августа.

Так как с утра стояла довольно ясная погода, я посоветовала сыну поехать вместе с его воспитателем и г. Кэмпбеллом осмотреть римский лагерь, интересный тем, что он представляет собой самую глубокую точку, до какой римляне продвинулись в горы. Господа доложили нам, что нашли отдельные части лагеря вполне сохранившимися, в особенности место, где, как можно предполагать, находился шатер претора.

Мой кашель, усиленный еще и лихорадкой, вынудил меня оставаться в своей комнате, но вскоре к этому добавилась еще более тревожная причина. Сын, вернувшись очень утомленным долгой верховой прогулкой, почувствовал себя плохо. Хозяева были так любезны, что поставили маленькую кровать в моей спальне, чтобы я могла ухаживать за ним, и вы позволите мне, надеюсь, покинуть вас и занять место у его изголовья, пожелав вам лучшей ночи, чем та, какую, по всей видимости, придется провести мне.

Понедельник, 1 сентября.

Князь хорошо отдохнул, спокойно выспался, и, так как у него совсем нет жара, я не опасаюсь более последствий его нездоровья и хотела бы, прежде чем покинуть Тэймут, сказать вам словечко о доме и его хозяине.

Первый не заслуживает и упоминания, это старый залатанный замок, к которому к тому же пристроили два крыла, с большим числом жилых помещений, весьма удобных на мой взгляд, — вот все, что можно о нем сказать. Но вы не отделаетесь так же легко от второго предмета и позволите мне, если вам будет угодно, более подробно живописать моего поклонника. В первую очередь должна рекомендовать его как человека самого благородного. Это составит фон картины, подробности же будут таковы. Возьмите, дорогой друг, кисть, я подскажу вам нужные краски и не сомневаюсь, что портрет будет похож, особенно если над ним потрудится и ваше воображение. Сперва наложите слой природной вежливости, той, которая не может быть благоприобретена. Затем слой вежливости, воспитанной хорошим обществом. Ровный характер, прекрасно справляющийся с восьмидесятичетырехлетним возрастом, деликатный оттенок внимательности, которую трудно предполагать в такие лета, не чрезмерной и не недостаточной, соединенный с блеском, какой придает чтение, завершат эскиз картины. Окончить ее я попрошу вас самостоятельно и помогу лишь еще двумя-тремя чертами, которые не могу не сообщить. Крестьяне, арендующие его земли, души не чают в нем, ибо он никогда не повышает платы и даже понижает ее для бедных